

UNITED WISDOM

Сознание животных: как исследовать чужой опыт

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W16 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Сознание животных: как исследовать чужой опыт

Эпиграф

> *Различие может отчётливо восприниматься, и всё же бывает невозможно — по крайней мере, я это обнаружил — сказать, в чём оно состоит.*

Чарлз Дарвин, *Выражение эмоций у человека и животных*, введение; английское издание D. Appleton, 1899. Перевод United Wisdom с английского. Это полное предложение о трудности описания замеченного выражения, а не утверждение о недоступности любого знания о животных.

О чём эта статья

Животное останавливается у двери, меняет путь, выбирает место или отвечает на знакомый сигнал. Мы видим действие и почти сразу предлагаем объяснение: оно испугалось, вспомнило, заинтересовалось. Иногда объяснение разумно; иногда наша уверенность оказывается гораздо шире наблюдения. Как исследовать опыт того, кто не может описать его человеческими словами? Статья различает поведение, условия его появления и основания говорить о субъективном переживании. Философский вопрос Томаса Нагеля, наблюдательная осторожность Дарвина и эксперимент Андреаса Нидера с коллегами помогают выстроить последовательность проверки. Она не даёт готового теста для домашнего животного и не обещает прочитать его мысли. Зато позволяет точнее понимать научное сообщение, замечать альтернативные объяснения и не считать неизвестное ни доказанным отсутствием опыта, ни разрешением приписывать животному любое человеческое состояние. Практический результат — содержательное наблюдение с обозначенной границей вывода.

I. Действие видно раньше, чем его смысл становится известен

Представим обычный эпизод: собака подошла к закрытой двери, посмотрела на человека и вернулась к коврику. Здесь есть последовательность доступных наблюдений. Но фраза «она обиделась» добавляет историю, которой в самой последовательности ещё нет. Возможны ожидание выхода, привычная реакция на отсутствие движения, внимание к звуку или другое объяснение. Наличие альтернатив не делает животное пустым механизмом. Оно показывает, что именно этот эпизод не выбирает между несколькими историями. Для исследования полезно сохранить сначала действие, а затем отдельно назвать предполагаемый смысл.

Различие кажется мелким, пока мы не начинаем сравнивать записи. «Трижды подходила к двери после одинакового сигнала» можно сопоставить с другим днём. «Вела себя печально» требует уточнить, что человек считал печалью и почему. Первый язык тоже неполон: он не передаёт всего живого отношения к животному. Его назначение скромнее — дать другому наблюдателю возможность понять, какой факт обсуждается. Тёплое отношение и точное описание совместимы, поскольку точность не требует отказаться от заботы или игнорировать знакомые особенности поведения.

Дарвин во введении обращает внимание на ожидания самого наблюдателя. При сильном впечатлении мы можем замечать предполагаемое выражение прежде, чем успеваем описать движение. Поэтому полезный вопрос касается и животного, и человека рядом с ним: что наблюдалось без названия эмоции, а что стало заметно после подсказки? Эту историческую осторожность можно перенести в собственную запись. Она не требует принять все физиологические объяснения Дарвина. В частности, его рассуждения о наследовании приобретённых привычек не служат здесь современной биологической теорией.

У каждого сообщения есть уровень детализации, достаточный для его цели. Чтобы решить, открывать ли дверь, может хватить привычного сигнала. Чтобы утверждать, что животное переживает особое состояние, понадобится больше оснований. Ошибка начинается, когда достаточность для одного решения незаметно переносится на другое. Мы успешно взаимодействуем с собакой и потому считаем, что уже объяснили её внутренний опыт. Но успех взаимодействия свидетельствует прежде всего о том, что выбранный ответ оказался подходящим в данной ситуации, а не о полноте нашего объяснения.

II. Чужой опыт не равен нашему воображаемому перевоплощению

В статье 1974 года «Каково быть летучей мышью?» Томас Нагель предлагает различать знание о работе организма и характер опыта для самого организма. Можно представить крылья, ночной полёт и жизнь в укрытии. Однако такое воображение меняет обстоятельства человеческого опыта; оно не превращает человека в летучую мышь. Здесь возникает трудность, которую нельзя устранить одной красочной сценой. Подробность воображения не делает его прямым свидетельством о том, как устроено переживание другого существа, особенно когда его способ ориентироваться отличается от нашего.

Из этой трудности не следует, что о животных невозможно узнать ничего. Нагель допускает обобщённое приписывание опыта и частичное понимание иной точки зрения. Граница касается притязания передать его качество полностью. Это существенно для чтения научных новостей: утверждение о признаке восприятия может иметь сильные основания, хотя описание ощущения изнутри остаётся недоступным. Недоступность полного описания и отсутствие любого основания — разные состояния знания. Смешивая их, мы либо обесцениваем исследование, либо придаём ему силу, которой авторы сами не заявляют.

Сравнение с животным поэтому стоит начинать не с вопроса, что чувствовал бы я на его месте, а с вопроса, какие различия имеют значение для него в этой задаче. Одинаковый для нас предмет может участвовать в иной системе сигналов и действий. Это не разрешение сочинять неизвестные способности: требуется установить особенности конкретного вида и протокола. Но направление вопроса уже меняется. Человеческая понятность ситуации перестаёт быть единственной мерой её значимости для наблюдаемого существа, а непривычность ответа перестаёт автоматически означать отсутствие опыта.

В повседневном отношении воображение всё же может помогать. Оно побуждает остановиться и рассмотреть возможность, которую человек раньше игнорировал. Его роль здесь — открывать вопрос, а не закрывать его готовым ответом. Можно сказать: «Возможно, эта обстановка неприятна животному; я хочу разобраться». Нельзя считать саму выразительность этой мысли проверкой. Такое различение сохраняет участие без уверенного присвоения чужой перспективы. Забота получает направление, а исследование — вопрос, который ещё предстоит связать с наблюдениями, условиями и возможными объяснениями.

III. Хорошая задача проверяет различие между объяснениями

Допустим, животное всегда совершает одно действие после светового сигнала. Наблюдение может свидетельствовать об устойчивой связи. Однако оно ещё не отличает восприятие, выученную последовательность и подготовку движения. Чтобы сравнить объяснения, приходится менять условия так, чтобы они предсказывали разные результаты. Это общий смысл контрольной задачи: она не добавляет торжественности слову «эксперимент», а делает альтернативы уязвимыми для конкретного наблюдения. Если все наши истории одинаково объясняют любой исход, ни один исход не помогает между ними выбрать.

В работе Нидера, Лизанн Вагенер и Пауля Риннерта, опубликованной в *Science* в 2020 году, две вороны выполняли зрительную задачу. Слабый стимул предъявлялся около порога обнаружения; часть проб проходила без него. После задержки появлялось правило, связывавшее ответ с действием. Такая последовательность позволяла уменьшить смешение сообщения о стимуле с заранее подготовленным движением. Авторы записывали активность нейронов области NCL. Они исследовали не человеческое описание ощущения, а связь между условиями предъявления, последующим ответом и нейронной активностью внутри определённого протокола.

Главная логика понятна без превращения читателя в специалиста. Если одинаковая физическая ситуация иногда сопровождается одним ответом, а иногда другим, исследователь может спросить, с чем соотносится измеренный сигнал: с предъявлением или с будущим ответом? Чем лучше разведены эти обстоятельства, тем содержательнее результат. Здесь важны именно условия сравнения. Один показатель сам по себе не становится признаком сознания только потому, что записан из мозга. Необходимо понимать, какое объяснение он поддерживает сильнее и какие объяснения ещё остаются возможными после проверки.

Домашнее наблюдение не воспроизводит этот эксперимент. У человека нет описанного оборудования, контролируемого предъявления и соответствующего анализа. Из статьи нельзя вывести инструкцию проверить сознание питомца световыми сигналами. Зато её устройство учит читать утверждения исследователей: выяснять, что менялось, что сохранялось, какой ответ считался показателем и почему. Это полезнее, чем запоминать эффектное название области мозга. Название обозначает место регистрации; доказательная сила возникает из связи регистрации с вопросом и устройством сравнения, а не из сложности самого термина.

IV. Нейронный признак усиливает аргумент и оставляет границу

В описанном исследовании поздняя активность лучше соотносилась с последующим ответом вороны, чем с одной лишь интенсивностью стимула. Анализ включал случаи, когда ответа о наличии стимула не было при его предъявлении, и случаи ответа о наличии без предъявления. Авторы назвали результат эмпирическим маркером сенсорного сознания птиц. Это содержательное утверждение конкретной работы. Его нельзя заменить ни формулой «всё окончательно доказано», ни формулой «ничего не известно»: обе стирают различие между полученным результатом и более широким вопросом об опыте животного.

Именно здесь нужна дисциплина масштаба. Запись многих нейронов не означает исследование такого же количества животных. Результат двух ворон нельзя без дополнительного обоснования распространить на любой вид, любую сенсорную задачу и любое состояние. Также он не устанавливает, как воспринимаемое ощущается изнутри. Читателю стоит проверять, не изменился ли субъект утверждения при пересказе: сначала речь шла об определённых пробах и птицах, а затем неожиданно появилась вся животная жизнь. Такой переход может быть интересной гипотезой, но требует своего основания.

Связь Нагеля с этим экспериментом состоит в уточнении границы, а не в запрете измерять. Философский вопрос показывает, почему предсказание ответа не передаёт полностью качество переживания. Эксперимент показывает, почему эта граница не обнуляет возможность сравнивать ответы и сигналы. Эти две мысли могут удерживаться одновременно. Мы получаем основания для некоторых утверждений о восприятии и всё ещё не располагаем переживанием другого существа как собственным. Расхождение перспектив не превращается в общий приговор научному исследованию и не исчезает благодаря одной успешной регистрации.

Это различение пригодится в разговоре о любой новой работе. Сначала можно воспроизвести её узкий вывод, затем обозначить расширение, которое предлагает пересказчик. «В таком протоколе обнаружен такой признак» и «теперь мы знаем всё о сознании птиц» — разные предложения. Если между ними отсутствует объяснение, усиление пока остаётся риторическим. Такая проверка не требует заранее выбирать сторону в споре о сознании. Она требует только вернуть каждому предложению его предмет, условия и ту меру уверенности, которую действительно поддерживает обсуждаемое основание.

V. Сообщение о восприятии и само восприятие могут быть разными задачами

Когда человек говорит, что заметил свет, мы узнаём о восприятии через действие сообщения. У животного сообщение тоже может принимать форму обученного ответа. Но исследователь должен спросить, какие процессы нужны для этого ответа помимо предполагаемого переживания: удержание информации, выбор действия, следование правилу. Чем сложнее задача, тем больше таких компонентов может участвовать. Это не повод считать результат ненужным. Это повод не приписывать каждое найденное различие одному желаемому процессу, если протокол одновременно требует нескольких различных действий и способов обработки информации.

Нидер и коллеги сами отмечают спор между феноменальным сознанием и доступностью опыта для отчёта. Они предлагают сочетать протоколы с ответом и без ответа, чтобы точнее различать возникновение, удержание и сообщение опыта. Важен статус этого предложения: это направление следующей проверки, а не уже выполненное устранение всех затруднений. Научный текст иногда наиболее полезен именно там, где авторы называют оставшуюся альтернативу. Такой абзац не портит результат. Он показывает, какую дополнительную работу потребовалось бы сделать для более сильного утверждения.

Представим читателя, который видит в новости слова «сигнал сознания», но пропускает описание ответа. Тогда он не знает, что фактически измерялось и как животное сообщало о событии. Другой читатель внимательно разбирает протокол, но считает любой отчёт автоматической гарантией переживания. В обоих случаях теряется звено рассуждения. Полезно спросить: какую функцию выполняет ответ в этой работе и почему авторы связывают её с изучаемым состоянием? Вопрос оставляет возможность согласиться с ними, уточнить вывод или признать, что пока не хватает знаний.

В личной записи похожая ошибка возникает, когда отсутствие ожидаемого ответа объявляют отсутствием всего состояния. Животное не выполнило знакомый жест; это факт об ответе. Неизвестно, было ли доступно нужное условие, понятен ли сигнал и подходит ли действие этому эпизоду. Не следует изобретать объяснение каждой неудаче, чтобы защитить любимую гипотезу. Но столь же неверно делать максимально широкий вывод из одного молчания. Обоснованная запись сохраняет отрицательный результат вместе с условиями, а затем отдельно говорит, какие выводы он действительно позволяет сделать.

VI. Сходство помогает выбирать вопросы, различие помогает строить проверку

Нам легче замечать опыт существа, чьё лицо, движения и привычки кажутся знакомыми. Однако знакомость признака сама по себе не задаёт границу возможного опыта. Она говорит также о возможностях наблюдателя. Это особенно видно при сопоставлении птицы с человеком: человеческая речь отсутствует, а зрительная задача всё же допускает организованный ответ и нейронную регистрацию. Различие вида требует другого способа исследования. Оно не разрешает ни автоматически приравнять птицу к человеку во всём, ни исключить её из вопроса только за отсутствие привычного нам выражения.

Дарвин связывает сходство выражений у родственных видов с общим происхождением. В работе Нидера и коллег обсуждаются несколько возможных эволюционных объяснений результатов, включая общее наследование и независимое возникновение сходных возможностей. Это разные уровни рассуждения. История происхождения может подсказать, где искать сходство, но отдельный эксперимент ещё не выбирает единственную историю появления сознания. Поэтому дата предполагаемого общего предка не должна превращаться в установленную дату рождения опыта. Сценарий остаётся условным, пока не появились основания, позволяющие отличить его от конкурирующих сценариев.

Для читателя здесь возникает двойная обязанность: не требовать от другого вида человеческой формы ответа и не считать любое отличие подтверждением загадочного внутреннего богатства. В обоих случаях за животное говорит удобный нам образ. Более содержателен вопрос, какое свойство имеет значение для задачи и как его можно проверить в организации этого существа. Если такого знания пока нет, ответ может оставаться открытым. Открытость означает обозначенное неизвестное, а не разрешение наполнить его произвольными подробностями, которые нельзя отличить от нашей собственной фантазии.

Сходство и различие поэтому работают совместно. Сходство предлагает сравнение; различие ограничивает перенос. Так можно обсуждать даже знакомого питомца, не делая его маленьким человеком и не сводя его к набору внешних реакций. Например, обнаруженная устойчивость выбора помогает сформулировать вопрос о предпочтении. Но понятие предпочтения не обязано включать весь человеческий рассказ о вкусе, воспоминании и ценности. Чем точнее названо сравниваемое свойство, тем меньше лишнего мы переносим вместе с ним и тем яснее становится следующий содержательный вопрос.

VII. Независимая проверка начинается с возможности не согласиться

Введение Дарвина содержит простой методологический эпизод: фотографии выражений показывались людям без объяснения того, какая эмоция предполагалась. Часть оценок совпадала, часть различалась. Существенно не количество единодушных ответов само по себе, а устранение подсказки, которая могла заранее направлять взгляд. Здесь можно увидеть общий принцип проверки: другому наблюдателю оставляют возможность назвать увиденное иначе. Если он получает вместе с изображением готовый вывод, согласие хуже отделяется от принятия предложенной рамки и потому сообщает меньше о самом наблюдаемом признаке.

В исследовании ворон независимость устроена иначе: ответы сравниваются при одинаковой интенсивности предъявления, а анализ сопоставляет данные с определёнными альтернативами. Это не тот же метод и не повторение дарвиновского опыта. Общий механизм сравнения состоит в отделении желаемого объяснения от обстоятельства, которое могло бы создать видимость подтверждения. В одном случае таким обстоятельством служит подпись, в другом — физический стимул или подготовка ответа. Сходство принципа не отменяет различия техники, точности, объекта исследования и того вывода, который каждая процедура может поддержать.

В бытовом обсуждении независимость можно начать с небольшой перемены языка. Вместо «посмотри, как он ревнует» предложить человеку описать эпизод без готового названия. Если описания различаются, важно не устраивать состязание в любви к животному. Возможно, один заметил движение, которое другой пропустил; возможно, они используют разные слова. Несогласие помогает уточнить запись. Но два совпавших мнения всё ещё могут опираться на одинаковую привычную историю. Поэтому согласие наблюдателей усиливает ясность описания только в той мере, в какой понятны их условия и основания.

Настоящая проверка требует заранее допустить результат, который изменит мнение. Если любая реакция подтверждает переживание, а её отсутствие подтверждает скрытое переживание, объяснение перестаёт быть проверяемым. Однако и требование одного универсального признака создаёт другую ловушку: животное должно выполнить именно удобную человеку задачу. Между этими крайностями лежит работа с конкретными альтернативами. Мы спрашиваем, какой результат мог бы ослабить этот вывод, не превращая ответ в общий приговор всему виду. Так уверенность становится подвижной, но не произвольной: она меняется по названному основанию.

VIII. Неопределённость вывода не отменяет ответственности за действие

Представим, что животное отходит от шумного места, а человек не уверен, означает ли это страх, раздражение или другую реакцию. Для решения дать ему возможность отойти необязательно сначала определить точное качество переживания. Такая возможность отвечает наблюдаемому действию и оставляет пространство выбора. Это практическое рассуждение автора статьи, а не вывод лабораторной работы о бытовом уходе. Оно показывает различие между научным утверждением о состоянии и решением, которое можно принять без максимального утверждения: иногда достаточно не навязывать дополнительное воздействие без необходимости.

Предосторожность при этом не превращается в диагноз. Если человек перестал удерживать животное рядом с шумом, это ещё не доказывает, что прежнее объяснение было верным. И наоборот, отсутствие окончательного доказательства не делает любой способ проверки разумным. Провоцировать испуг, лишать привычного доступа или создавать неприятную ситуацию ради любительского опыта — плохой способ восполнить незнание. Он добавляет вмешательство, не обеспечивая нужной ясности. Бытовое наблюдение здесь имеет ограниченную цель: лучше описать существующее взаимодействие, а не произвести дома эксперимент с сенсорным сознанием.

Полезно назвать, какое решение действительно зависит от спорного вывода. Для обсуждения философской проблемы может потребоваться различить несколько понятий. Для чтения исследования — проверить протокол и предел обобщения. Для обычного взаимодействия — заметить реакцию и выбрать действие, допускающее её уточнение. Эти задачи нельзя решить одним ответом «сознание есть» или «сознания нет». Чем шире лозунг, тем легче ему скрыть конкретную ситуацию. Возвращение к решению помогает увидеть, какой объём знания нужен сейчас и какое неизвестное может оставаться открытым без отказа от ответственности.

При этом забота о животном не должна зависеть от того, насколько красноречиво человек умеет описать его чувства. Хорошо сформулированная история может сопровождать внимательное действие, но не является его единственным основанием. Иногда точная скромная запись полезнее уверенной эмоциональной версии: она помогает заметить изменение и сообщить его тому, кто обладает нужными знаниями. Если возникает вопрос о здоровье или уходе, эта статья не заменяет соответствующей профессиональной оценки. Её задача — улучшить качество вопроса и наблюдения, а не выдать универсальное решение для любого состояния животного.

IX. Вывод стоит строить ступенями, которые можно пересмотреть

Исследование чужого опыта можно представить как последовательность вопросов. Что произошло? При каких условиях? Какие объяснения подходят? Какое сравнение различает эти объяснения? Насколько результат связан с понятием переживания? Где заканчивается допустимый перенос? Каждый вопрос выполняет собственную работу. Если пропустить первые и сразу ответить на последний, уверенность будет держаться главным образом на впечатлении. Если остановиться на перечислении движений, мы не воспользуемся возможностью исследовать их значение. Последовательность соединяет описание и объяснение, сохраняя место для проверки каждого перехода.

Уверенность в таком рассуждении не обязана быть одинаковой на всех ступенях. Можно хорошо знать, какой стимул предъявлялся, уверенно установить связь сигнала с ответом и осторожнее говорить о характере опыта. Это не внутренняя непоследовательность. Разным утверждениям соответствуют разные основания. Важно только не переносить уверенность от наиболее надёжного звена на всю цепочку. Тогда спор перестаёт выглядеть как выбор между полным знанием и полным неведением. Он становится обсуждением конкретного перехода, для которого уже имеются некоторые основания, а другие ещё требуются.

Здесь сходятся три прочитанных подхода. Дарвин напоминает о вкладе ожиданий наблюдателя; Нагель удерживает различие перспектив; Нидер с коллегами показывает, как построить содержательное сравнение внутри ограниченной задачи. Они не создают единую теорию и не говорят одно и то же разными словами. Их сопоставление даёт более точный способ обращаться с выводом. Наблюдение не объявляется непосредственным чтением мыслей. Ограничение перспективы не становится запретом науки. А научный маркер сохраняет значение вместе с теми вопросами, которые остаются после его обнаружения.

В результате можно оставить два предложения рядом: «У этого вывода есть основания» и «Он не описывает всего чужого опыта». Первое защищает исследование от обесценивания, второе — животное и наблюдателя от слишком удобной истории. Практическая зрелость здесь состоит в способности уточнять оба предложения по мере появления сведений. Мы не получаем чужую точку зрения в собственное распоряжение. Мы можем лучше выбирать вопросы, внимательнее видеть действие и честнее обозначать, какое объяснение принимаем, на чём оно держится и что могло бы заставить нас его пересмотреть.

Что это значит на практике

Выберите уже происходящий спокойный эпизод взаимодействия с животным. Ничего специально не провоцируйте и не меняйте ради проверки. Запишите последовательность доступных действий: где животное находилось, что было непосредственно перед изменением, какое движение или выбор последовали. Затем отдельной строкой назовите первое пришедшее объяснение. Так запись сохранит ваше впечатление, но не смешает его с тем, что можно показать другому человеку. Если вы не уверены в детали, обозначьте это прямо; заполненная догадкой точность не улучшает наблюдение.

Назовите ещё одно возможное объяснение того же эпизода и различие, которое помогло бы между ними выбрать. Не нужно придумывать искусственную проверку или ждать, что одно наблюдение решит вопрос о сознании. Можно заметить, какие обычные обстоятельства повторяются сами: время, доступность места, знакомый сигнал. Если условия различаются, не называйте эпизоды одинаковыми только потому, что итоговое действие похоже. Цель — понять, какого сведения недостаёт вашему объяснению, а не добиться желаемого ответа от животного.

При чтении научной новости выпишите узкое утверждение авторов и более широкое утверждение заголовка. Укажите объект, задачу и измеренный показатель для первого. Затем спросите, объяснён ли переход ко второму. В примере с воронами различаются нейронный маркер в зрительной задаче, качественный характер опыта и обобщение на другие виды. Если новость не содержит нужных условий, разумный результат чтения — уточнить источник или сохранить вопрос открытым. Незнание деталей не требует немедленно объявлять работу ни окончательным доказательством, ни бесполезной попыткой.

Наконец, обозначьте ближайшее действие, которое можно выбрать без спорного расширения. Возможно, стоит дать животному пространство, внимательнее описать реакцию или передать наблюдение специалисту по конкретному вопросу ухода. После действия не переписывайте первоначальную запись так, будто объяснение уже подтвердилось. Добавьте только новое наблюдение и изменение своей уверенности. Эта практика не измеряет сознание и не имеет заявленного лечебного эффекта. Она помогает сохранить различие между фактом, объяснением и решением, чтобы участие в жизни другого существа не требовало притворяться всезнающим.

Ключевая цитата

> *Таким образом, наш результат представляет собой эмпирический маркер сенсорного сознания птиц.*

Андреас Нидер, Лизанн Вагенер, Пауль Риннерт, «Нейронный коррелят сенсорного сознания у врановой птицы», *Science* 369, 2020, с. 1628, обсуждение. Перевод United Wisdom с английского; полное предложение. Сразу далее авторы отделяют маркер от доступности качественного характера чужого опыта и обсуждают различение переживания и отчёта.

Связи между традициями

Источник и точное место A	Источник и точное место B	Что помогает увидеть сопоставление	Граница различия
Нагель, 1974, с. 436: субъективный характер опыта	Нидер и коллеги, 2020, с. 1628: эмпирический маркер	Данные об ответе поддерживают ограниченный вывод без передачи качества ощущения.	Философское различение не является лабораторным результатом.
Дарвин, введение: абзац о воображении	Нагель, с. 438–439: представление себя летучей мышью	Воображение открывает вопрос, но может добавлять неподтверждённое содержание.	Ошибка наблюдения и различие перспектив имеют разные основания.
Дарвин, гл. I: «Рефлекторные действия»	Нидер и коллеги, с. 1626, рис. 1A: правило после задержки	Само движение нужно отделять от того, что оно позволяет заключить о восприятии.	Историческая физиология Дарвина не подставляется в современный протокол.
Дарвин, введение: фотографии без объяснений	Нидер и коллеги, с. 1627–1628: сравнение ответов при одинаковом стимуле	Проверка ослабляет влияние обстоятельства, которое могло создать видимость подтверждения.	Два способа контроля не являются одной процедурой и имеют разную точность.
Нагель, с. 442, прим. 8: возможность частичного понимания	Нидер и коллеги, с. 1629: протоколы с отчётом и без него	Предел знания задаёт следующий содержательный вопрос.	Предложение следующего опыта не означает, что он уже выполнен.
Дарвин, введение: общность происхождения	Нидер и коллеги, с. 1629: альтернативные эволюционные сценарии	Родство помогает выбирать сравнение, но не устанавливает единственную историю сознания.	Ни общий предок, ни конвергенция здесь не датированы как доказанное начало опыта.

Первоисточники

1. Томас Нагель. *What Is It Like to Be a Bat?*, *The Philosophical Review* 83(4), 1974, с. 435–450. Для статьи прочитаны с. 436, 438–442, включая прим. 8; нечёткая с. 437 и оставшиеся страницы не служат её основанием. Использованы различие перспектив, обобщённое приписывание и возможность частичного понимания.

2. Андреас Нидер, Лизанн Вагенер, Пауль Риннерт. *A neural correlate of sensory consciousness in a corvid bird*, *Science* 369(6511), 25 сентября 2020, с. 1626–1629, DOI 10.1126/science.abb1447. Прочитан полный основной отчёт с методами, результатами, обсуждением и подписями рис. 1–4; дополнительные материалы и исходные данные не проверялись. Маркер не раскрывает качество переживания и не представляет универсальный тест всех животных.

3. Чарлз Дарвин. *The Expression of the Emotions in Man and Animals*, D. Appleton, Нью-Йорк, 1899, английский текст в Project Gutenberg 1227. Прочитаны введение от общности выражений до методов наблюдения и начало гл. I с тремя принципами и рассуждением о рефлексах. Использована методологическая осторожность; историческая физиология не принимается как современная. Русские цитаты переведены United Wisdom с прочитанных английских текстов.

Теги

сознание, животные, опыт, восприятие, наблюдение, поведение, объяснение, свидетельство, проверка, эксперимент, вороны, птицы, нейроны, Нидер, Вагенер, Риннерт, Нагель, Дарвин, перспектива, воображение, сравнение, неопределённость, отчёт, маркер, внимание, забота, пределы знания, эволюция, выбор, ответственность

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.